

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

(на материале журнала “Вопросы философии” № 12, 2011)

Хамдамян Али

Киевский национальный лингвистический университет

У статті розглянуто епістемічну модальність як спосіб висловлення міри повноти та характеру знань мовця про явище. Залежно від повноти знань мовця про достовірність повідомлюваного виділені епістемічні настанови достовірності, можливості і проблемної достовірності. Особливу увагу приділено проблемній достовірності як найважливішому інструменту вираження руху думки автора і руху до істинності. На основі критеріїв можливості, ймовірності і руху до істинності в достовірності повідомлюваного вказані епістемічні різновиди проблемної достовірності: обмеження об'єкта знання, апеляції до загальновідомих положень і апеляції до читача. У висновках зроблена спроба встановити індивідуально-авторські підходи щодо висловлення епістемічної модальності.

Ключові слова: епістемічна модальність, філософський дискурс, достовірність, істинність, проблемна достовірність.

В статье рассматривается эпистемическая модальность в философском дискурсе как способ выражения степени полноты и характера знаний говорящего о явлении. В зависимости от полноты знаний говорящего о достоверности сообщаемого выделены эпистемические установки достоверность, возможность и проблемная достоверность. Особое внимание уделено проблемной достоверности как важнейшему инструменту выражения движения мысли автора к истинности. На основе критериев возможности, предположительности и движения к истинности в достоверности сообщаемого указаны эпистемические разновидности проблемной достоверности: ограничение объекта знания, апелляции к общеизвестным положениям и апелляции к читателю. В выводах предпринята попытка сопоставить авторские предпочтения в выражении эпистемической модальности.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, философский дискурс, достоверность, истинность, проблемная достоверность.

The article is dedicated to development and analysis of the problem of epistemic modality in the philosophical discourse as a way to express the degree of completeness and the nature of knowledge about the phenomenon of speaking. Depending on the basic epistemic installation are defined three types of episteme: reality, possibility and problematic reality. A special attention is drawn to problematic reality as an essential instrument of thought manifestation of the author, his movement to the truth of the proposed knowledge implication. Depending on the completeness of the speaker's knowledge of reported are defined epistemic setting limiting the object of knowledge, appeal to the reader and appeal to the well-known provisions. In conclusions, an attempt is made to compare the author's methods and preferences to express epistemic modality.

Key words: epistemic modality, philosophical discourse, reliability, truth, appeal.

В классической философии дискурсивное мышление, развертывающееся в последовательности суждений, противопоставляется интуитивному мышлению, схватывающему целое независимо и вне всякого последовательного развертывания. Платоном и Аристотелем уже было проведено разделение истин на непосредственные (интуитивные) и опосредованные (принимаемые на основе доказательства). Плотин проводит различие между всеобщим, целостным, не частичным и не индивидуальным единым Умом и дискурсивным умом, в своем движении охватывающем все отдельные смыслы. Фома Аквинский противопоставляет дискурсивное и интуитивное знание, рассматривая дискурсивное мышление как движение интеллекта от одного объекта к другому. Уже к концу 80-х гг. XX века под дискурсом начинают понимать сложное

коммуникативное явление, сложную систему иерархии знаний, включающую, кроме текста, ещё и экстралингвальные факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата и др.), необходимые для понимания текста [2, с. 8].

Сегодня понятие дискурса индексирует собой двуединый сдвиг в центральной проблеме философии – проблеме обоснования знания. Это понятие дискурса соответствует новой картине мира, которая отказывается от монотеоретизма и от наукоцентризма. Отныне задача не исчерпывается тем, чтобы поставить в центр одну из научных моделей мира; важно оценить их по взаимным преимуществам и недостаткам [3, с. 361]. Дискурс противопоставляется трактату, в особенности при обсуждении проблем общественной значимости, т. е. неспециализированное повседневное мнение противопоставляется профессиональному экспертному суждению.

По мнению В. С. Лукьянца, дискурс – это единство речевой практики (диалога, полилога, интеракции между его участниками) и контекста (среды, места, топоса) ее развертывания, встречи и взаимодействия его участников – членов некоего речевого (профессионального, творческого, конфессионального и т. д.) сообщества. Исходя из этого, "в рамках дискурс-анализа любой дискурс – это одновременно и лингвистический, и социокультурный феномен. Такой дискурс возникает и эволюционирует в социуме, культуре, жизненном мире человека, он способен не только ощущать на себе влияние социокультурной среды, но и оказывать на него обратное активное воздействие. Это влияние дискурса на социум может быть и положительным, и отрицательным, и даже губительным для самого социума" [6, с. 26].

Универсумом философского дискурса не является множество индивидов (предметов), наличие которых постулируется системой логического анализа языка. Его концепты не принадлежат к разряду конкретно научных понятий: для языка философии не типичны общие высказывания [4, с. 20]. Философский дискурс отличается от других дискурсов тем, что всегда "дискуссрует", рассуждая – от античных мудрецов до современных мыслителей – о тех или иных вещах. Он конструирует категориальное пространство мышления – говорения о мире, о положении и роли человека в нем, и "координатами" этого пространства являются предельно общие понятия – категории, или концепты. Особенности философского дискурса начинаются с семантики терминов его тезауруса, таких, к примеру, как "бытие", "дух", "субстанция", "знание", "истина", и др. Каждая значительная философия задает свою категориальную "геометрию" мышления, перестраивает предшествующую, вводя в неё новые концепты. Авторский философский текст во многом представляет собой реакцию ("ответ") на тематически близкие тексты, созданные ранее другими философами. Фрагменты предпосылочных текстов приобретают в авторском тексте нередко иной (иногда – противоположный) смысл, в их содержании может измениться акцентуация (что было несущественным, становится главным, или наоборот). Одна из целей имплантирования части чужого текста в авторский состоит в использовании ее в качестве аргумента к авторитету. Философствуя о различных аспектах и сторонах, учитывая "pro" и "contro" относительно данной проблемы и основываясь на жизненном примере, философский дискурс делает вывод рассуждающий, то есть, можно сказать, что он является рассуждающим дискурсом. В мире всякого дискурса действуют свои правила истинности, свои правила синонимичных замен, свой этикет. Это – "возможный (альтернативный) мир". Поэтому с точки зрения философии дискурс – это: 1) способ диалогически-аргументированной проверки спорных притязаний значимости утвердительных и нормативных высказываний с целью достижения универсального консенсуса между его участниками; 2) интересубъективный процесс аргументированного понимания с помощью средств языка, когда признается только обоснование и поиск разумного консенсуса [1, с. 149].

Лингвистический поворот в философии 20 в. (обращение к языку и речи, к анализу семантической деятельности) привел к тому, что трактовка дискурсивного познания перешла от изучения типов связки в отдельном предложении к осознанию речи как связанных

последовательностей речевых актов, выраженных в различных текстах и анализируемых в различных аспектах: прагматическом, семантическом, референтном, модальном, эмоционально-оценочном и др. [см.: 9]. Несомненно, категория модальности в доказательном движении истинности высказывания играет важнейшую роль.

Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого [5, с. 428].

Среди исследуемых модальных значений важное место занимает эпистемическая модальность (именуемая также персуазивной модальностью, модальностью достоверности, модальностью истинности), в семантике которой находит отражение знание говорящего о сообщаемой в высказывании информации и его отношение к ней с точки зрения ее достоверности [4, с. 16].

Целью данной работы является рассмотрение субъективной эпистемической модальности философского дискурса и способов ее выражения в пределах предложения на материале журнала “Вопросы философии” № 12, 2011г. – 5 статей общим объемом 158 стр. Нами зафиксировано 307 предложений, маркированных по принципу эпистемической модальности.

Формирование функционально-семантической категории эпистемической модальности связано с формированием в сознании говорящего человека оценки сообщаемого с точки зрения его достоверности (или истинности). Оценка достоверности представляет собой оценку говорящим сообщаемого как соответствующего либо несоответствующего действительности с точки зрения его знаний об этом сообщаемом. Считается, что эпистемическая модальность отражает степень полноты и характер знаний говорящего о событии. Различная степень полноты и характера знаний говорящего лежит в основе разграничения эпистемических установок, соответствующих различным когнитивным состояниям говорящего. В зависимости от базовой эпистемической установки определены три типа эпистемы: **достоверность** (*Знаю / уверен, что P*) – **недостоверность** (*Не знаю / не уверен, что P*) – **проблемная достоверность** (*Не знаю / не уверен, P или не P*). В зависимости от полноты знаний говорящего о сообщаемом эпистемическая установка проблемной достоверности дифференцируется по степени достоверности, при этом на основе критерия о вероятностной предпочтительности достоверности сообщаемого выделяются эпистемические установки **предположительной достоверности** (*Предполагаю, что P*) / **предположительной недостоверности** (*Предполагаю, что не P*) / **эпистемической возможности** (*Полагаю возможным как P, так и не P*) [8, с. 162–163].

Однако, прежде всего, такое определение характерно для художественного и разговорного дискурса. Но в научном дискурсе так как мы имеем дело с научными фактами и доказательствами, скорее всего, эпистемическая модальность должна быть определена иначе. В философском дискурсе способы выражения эпистемической модальности отличаются семантически и синтаксически, и кроме полноты знания говорящего еще определяют позицию автора и его точки зрения на достоверность, т. е. автор, употребляя разнообразные модальные маркеры, пытается доказать написанное и убедить читателя в достоверности информации, что сопрягает категорию модальности с интеллектуальной категорией аргументации. При этом допускается возможность неполноты знаний говорящего или его сомнений в высказанном. Таким образом, эпистемическая модальность – это выраженная говорящим степень достоверности (истинности) того или иного суждения.

В данной статье мы рассматриваем эпистемическую модальность как способ выражения степени полноты и характера знаний говорящего о явлении. В научном дискурсе мы имеем дело с научными фактами и доказательствами, поскольку эпистемическая модальность разворачивается в зависимости от базовой эпистемической установки. Выделяем три типа эпистемы: достоверность – возможность – проблемная достоверность. Недостоверность как разновидность эпистемической модальности находится на периферии научного дискурса.

В зависимости от полноты знаний говорящего о достоверности сообщаемого на нашем материале удалось выделить следующие эпистемические установки (их статистическое распределение представлено в таблице):

Общее количество: 369

Номер и авторы статей*	Объем текста (по словам)	Эпистемическая достоверность	Эпистемическая возможность	Проблемная достоверность			Цитаты
				Апелляция к читателю	Апелляция к общеизвестным	Ограничение объекта знания	
1. Хоружий С. С.	9037	12	38	16	6	21	10
2. Тараров Я. В., Иваненко Н. А.	4793	10	39	14	5	12	13
3. Бентем ван Й.	7197	24	31	15	4	9	6
4. Никольский С. Н.	6157	5	12	6	3	7	7
5. Лапин Н. И.	5251	8	9	5	1	7	14

* 1. Хоружий С. С. “Что такое SYNERGEIA? Синергия как универсальная парадигма”.

2. Тараров Я. В., Иваненко Н. А. “Онтологические основания физического знания и современная экономическая теория”.

3. Бентем ван Й. “Логика и рассуждение: много ли значат факты?”.

4. Никольский С. Н. “Достоевский и явление “подпольного” человека”.

5. Лапин Н. И. “Самокритика возникновения марксизма” (Размышления в связи с выходом книги Т. И. Ойзермана “Возникновение марксизма”).

1. Достоверность (*Конечно, естественно, что Р.*) – тип эпистемической модальности, в которой автор, без всякого сомнения, убежден в достоверности сообщаемого. Эпистемическая модальность достоверности маркируется вводными словами *бесспорно, несомненно, конечно, показано, разумеется, очевидно* и др. Примеры:

*Начать мы должны, **бесспорно**, с греческого слова, общего истока всех версий синергии (1).*

***Разумеется**, такое смещение акцентов в развитии экономической мысли имеет под собой вполне объективные основания (2).*

2. Возможность (*Может быть, скорее всего, Р.*) – о ней говорят тогда, когда рассматриваются разные возможные состояния мира и говорящему неизвестно, какая из возможностей имеет место быть.

Эпистемическая модальность **возможности** выражается вводными словами *возможно, прежде всего, скорее всего* и предикативом *можно*.

В сознании научного сообщества наших дней понятие синергии **прежде всего ассоциируется с синергетикой (1).**

Возможно и иное решение: в процессе формирования материалистической диалектики (диалектического материализма) материалистическое понимание истории выполнило свою эвристическую функцию, придав завершенность диалектическому материализму... (4).

Необходимо сказать, что предикатив *можно* + *инфинитив* в подобных дискурсах многократно употребляется и в основном обозначает возможность рассмотрения объекта иначе, а не именно так, как это предложил автор. Таким образом автор, снимая с себя ответственность, выражает свое субъективное мнение и в то же время допускает и другие версии; ср. еще:

Наиболее системно её можно изложить в рамках общепринятой дифференциации этого направления философской мысли на позитивизм, неопозитивизм и постпозитивизм (2).

Учебники логики обычно не описывают эту область таким образом, **но можно обобщить эту тенденцию к более богатому моделированию в виде набора широких идей (3).**

Такова, **можно сказать**, *диалектика революционной теории и эволюции социальной практики (5).*

Предикат *можно* чаще всего встречается с такими глаголами: *назвать, изложить, рассмотреть, обобщить, определить, сказать, связать, утверждать* и др.:

Синергетическую парадигму тут можно рассматривать как частный случай или техническое уточнение антропологической парадигмы, конкретизирующее механизм синергической динамики в определенном классе антропологических практик (1).

Существует тесная связь между эвиденциальностью и эпистемической модальностью: эпистемическая модальность – это выраженная говорящим степень достоверности его информации, а эвиденциальность маркирует источники информации, на которых говорящий основывает свое высказывание. Оба значения могут выражаться нерасчлененно в одном показателе, однако косвенная эвиденциальность сама по себе не означает недостоверности [7, с. 278]. Показатель эвиденциальности семантически подобен вводному обороту с глаголом речи / мнения: и в том, и в другом случае говорящий разделяет с неким лицом ответственность за истинность высказанной пропозиции. Цитативная эвиденциальность близка к русским показателям цитирования [9]. В философских дискурсах мы наглядно видим как авторы, как и в других научных дискурсах, основываясь на трудах других ученых, рассуждая о проблеме, развивают ее соответственно теме их рассмотрения:

Некоторые из исследователей данного направления, такие как, например, Т. Кун, автор парадигмальной концепции научного знания, акцентировал внимание на “метафизических элементах парадигм”, другие большее внимание уделяли не философским, а социо-культурным основаниям, однако именно в постпозитивизме онтологические основания научного знания могут рассматриваться как необходимая составляющая любой теории и научной дисциплины (2).

3. Проблемная достоверность (*Однако, по определению Р.*). В философском дискурсе и, возможно, в любом гуманитарном дискурсе в отличие от других научных дискурсов мы очень часто встречаем проблемную достоверность как важнейший инструмент выражения хода мысли автора и движения к истинности. В зависимости от полноты знаний говорящего о сообщаемом эпистемическая установка проблемной достоверности дифференцируется по степени достоверности, при этом на основе критериев возможности, предположительности и движения к истинности в достоверности сообщаемого выделяем следующие эпистемические установки:

а) **Ограничение объекта знания** в основном выражается словами и словосочетаниями: *однако, в целом, главным образом, впрочем, в свою очередь*:

В целом, *исихастская Лествица разделяется на две большие части, из коих первая именуется Праксис (деятельность), вторая же Феория (созерцание) (1).*

б) **Апелляции к общеизвестным положениям** характеризуется следующими выражениями (*согласно, как известно*):

Общественное богатство имеет количественные характеристики и количественные эквиваленты, само при этом, по определению, являясь количеством (множеством) (2).

в) **Апелляции к читателю** обнаруживаются следующими способами выражения: *ведь, как видим, следовательно, очевидным образом:*

Более того, мы видим, как сюда просачиваются идеи из когнитивной психологии (3).

Так же очень часто в философском дискурсе встречаются предложения, в которых взаимодействуют различные эпистемические установки, показывающие движение человеческого знания, подход к истине.

Иными словами, синергия, несомненно, присутствует-таки в синергетике, однако это присутствие имплицитно (1).

В данном высказывании мы наглядно видим модальный вариант движения истины: утверждение "несомненно" резко ослабляется путем уступки, выражая ограничение проявления знания. Полагаем, что такой пример выделяет философский дискурс среди других дискурсов.

Различные языковые средства презентации субъективно-модальных эпистемических значений: специальные синтаксические конструкции, особый словопорядок, повторы, частицы, модальные слова, сочетания всегда в сопровождении определенной интонации – могут в одном и том же предложении комбинироваться, выступать совместно. Строгих грамматических правил такого соединения нет: здесь возможны самые различные комбинации. Особенно показательны такие конструкции для философского рассуждающего дискурса. Ср.:

И с этой точки зрения, логика – это не статичный страж корректности, как мы все еще видим в определениях в большинстве учебников, но скорее, гораздо более динамичная и гораздо более вдохновляющая иммунная система разума (3).

Можно с полным правом утверждать, что возникающие частицы можно рассматривать как конструкты, функции, зависящие от множества факторов (2).

Можно, следовательно, утверждать, что здесь репрезентируется "синергетическая парадигма синергии" (1).

Необходимо отметить, что, несмотря на общеупотребительные модальные маркеры, существуют также авторские способы и предпочтения выражения эпистемической модальности. Для выражения эпистемической модальности достоверности слова *конечно, разумеется, естественно, несомненно* являются общеупотребительными, в то время как слова *ясно, явно, явствует, верно* встречаются только у С. С. Хоружего, и также часто можно увидеть словосочетание *на самом деле* у Й. ван Бенгема.

В проблемной достоверности апелляция к общеизвестным положениям практически встречается у всех авторов одинаково. *По определению* характерно для С. С. Хоружего и С. Н. Никольского, а *согласно* – Я. В. Тарарова, Н. А. Иваненко.

Ограничение объекта знания выражается в основном словом *однако*. При этом С. С. Хоружий, Я. В. Тараров, Н. А. Иваненко употребляют в этой функции *в свою очередь*, а С. Н. Никольский – *впрочем*.

Апелляция к читателю является самой вариативной по способам выражения. Например, у С. С. Хоружего *итак* встречается 5 раз, *ведь* у С. Н. Никольского – 4 раза; у Й. ван Бенгема и Н. И. Лапина часто встречаются такие выражения, как *мне кажется, на мой взгляд, я считаю*. Н. И. Лапин также употребляет *сказанное делает понятным и соответственно*.

Такие слова и словосочетания, как *мы видим, таким образом, следовательно, это значит* являются общеупотребительными.

Проанализировав материал, можно выделить следующее:

1. Предикат *можно* + инфинитив и глагол *мочь*, несмотря на то, что выражают эпистемическую модальность возможности, исключают сомнения автора о высказанном, выражая лишь вариантность явления.

2. Невысокая частотность маркирования эпистемической модальности достоверности, скорее всего, указывает на уверенность автора.

3. Проблемная достоверность и её подтипы выражают как достоверность информации – апелляция к общеизвестным мнениям, так и возможность недостоверности сообщаемого – путем ограничения объекта знания, т. е. автор не до конца убежден, а только выражает свое субъективное мнение.

Проанализировав разворачивание эпистемической модальности в научных философских дискурсах, можно сделать вывод о том, что в отличие от эмпирических работ, где автор делает вывод на основе обобщения фактов или экспериментов, в философском дискурсе эпистемическая модальность, будучи важнейшим инструментом мышления, дает возможность автору выражать свое индивидуальное, субъективное мнение, балансируя на грани достоверного общепринятого мнения и проблемного знания, заставляя читателя задуматься о данной проблеме, втягивая его в формирования модальности, навязывая таким образом свою позицию, разделяя с читателем ответственность за сделанный вывод.

Развитие мысли в рассуждающем дискурсе уникально переходами интеллекта от одного объекта к другому. В зависимости от эпистемической установки автор, учитывая имеющиеся мнения по какой-либо проблеме, устанавливает свое отношение, сопоставляя разные объяснения, переходит с одной позиции на другую до тех пор, пока не сделает свой вывод.

Также необходимо отметить, что исследование движения мысли автора обнаружило тот факт, что в цитатах философского дискурса, используемых автором, неоднократно встречается разворачивание эпистемической модальности, которая, взаимодействуя с авторской модальностью, составляет как бы первый этаж в структуре достоверности информации, и этот аспект манифестации эпистемической модальности в философском дискурсе составляет перспективу исследования.

Литература

1. Бацевич Ф. С. Філософія мови. Історія лінгвофілософських учень: [підручник] / Ф. С. Бацевич. – К.: ВЦ “Академія”, 2008. – 240 с.
2. Ван Дейк Т. Д. Язык. Познание. Коммуникация / Ван Дейк Т. Д. – М. – 1989. – 306 с.
3. Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст / Касавин И. Т. – М., 2008. – С. 361 – 372.
4. Кротков Е. А. Философский дискурс // Современный дискурс-анализ. 2010. – Вып. 2, т. 1. – С. 20–22.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / [под ред. В. Н. Ярцева]. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 658 с.
6. Лук’янець В. С. Сучасний науковий дискурс: Оновлення методологічної культури / В. С. Лук’янець, О. М. Кравченко, Л. В. Озадовська. – К., 2000. – 304 с.
7. Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность. // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: [Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой]. – СПб: Наука, 2007. – С. 600-632.
8. Швец В. М. Субъективная (эпистемическая) модальность и ее выражение в детской речи // Семантические категории детской речи. – СПб.: Нестор-история, 2007. – С. 161–180.

Источники иллюстративного материала

9. <http://iph.ras.ru/elib/0982.html>